

Н. М. Стойнова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, г. Москва)

stoynova@yandex.ru

«ПО-НАНАЙСКИ ГОВОРИ!» ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ КОДОВ В ТЕКСТАХ НА ВЫМИРАЮЩЕМ ЯЗЫКЕ¹

В статье рассматриваются структурные особенности переключения кодов в ситуации рассказа на полузабытом «родном языке». Исследование проведено на материале небольшой выборки текстов с интенсивным переключением кодов между русским и нанайским, записанных от одного носителя горинского говора нанайского языка. Подробно рассмотрены два аспекта этих текстов. Во-первых, проанализированы контексты каузации переключения кодов (когда слушатель просит рассказчика говорить на родном языке): происходит ли в этих случаях переключение кодов, насколько долговременное, каковы его структурные типы и насколько они отличаются от представленных при спонтанном переключении. Во-вторых, обсуждаются особенности русской речи в текстах с интенсивным переключением кодов: в каком объеме и в каких аспектах в ней проявляется межъязыковой прайминг, обусловленный активацией еще одного языка в сознании носителя. Показано также, что применительно к отдельным фрагментам русской речи, представленной в выборке, можно говорить о переключении кодов или регистров: с более стандартного варианта русского языка на более пиджинизированный.

Ключевые слова: русский язык, тунгусо-маньчжурские языки, нанайский язык, переключение кодов, смешение кодов, пиджины, языковой сдвиг

1. Введение

В статье будет проанализирован небольшой массив текстов, записанных от одного носителя горинского говора нанайского языка. Этот говор находится в достаточно неблагоприятной социолингвистической ситуации, а сам носитель — в относительной изоляции от основного языкового сообщества. Анализируемые тексты — результат (в целом неудачной) попытки записать от этого носителя спонтанные нарративы на нанайском языке. Записи содержат короткие фрагменты на русском языке, короткие фрагменты на нанайском и огромное количество предложений со смешением кодов (переключением кодов внутри предложения)².

Одно из направлений в исследовании переключения кодов рассматривает его как особую дискурсивную стратегию, расширяющую репертуар языковых средств, доступных носителю-билингву в отличие от монолингва (см., например, сборник [Auer (Ed.) 1999] и особенно вводную статью [Auer 1999]). При такой установке в фокус внимания лингвистов попадает прежде всего речь билингвов, свободно использующих оба языка.

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ №18-312-00155 мол_а.

² Ниже термин «переключение кодов» используется в общем смысле: комбинация любой длины фрагментов на разных языках в рамках одного текста. Термином «смешение кодов» (code-mixing) называется переключение кодов внутри предложения.

Другое направление сосредоточено на ситуациях, в которых переключение кодов происходит скорее «от недостатка», чем «от избытка», и, видимо, регулируется несколько иными механизмами. Оно рассматривает переключение между доминирующим и подчиненным языком наряду с интерференцией в более общем контексте языкового сдвига (см., например, [Johanson 2002]; [Backus 2005]; на материале, ареально и генетически близком к рассматриваемому в статье, [Grenoble 2010]).

Данное исследование примыкает к работам второго типа. В статье рассматривается переключение и смешение кодов между доминирующим русским и вымирающим горинским нанайским, возникающее в неестественной для носителя ситуации, когда его просят говорить на нанайском языке, которым он и в целом пользуется редко, перед носителями доминирующего русского языка (лингвистами).

При анализе такого рода ситуаций особенно остро встает вопрос об осознанном / неосознанном переключении кодов (ср. *motivated / performance switches* по [de Bot 2010]). Исходным намерением рассказчика в рассматриваемых текстах было намерение говорить по-нанайски (в ответ на прямую просьбу лингвистов). Результатом, однако, стали тексты не на нанайском языке, а на смеси нанайского с русским (с преобладанием русского). Видимо, в общем случае можно считать, что рассказчик, время от времени вспоминая о задаче говорить по-нанайски или получая напоминание от слушателей, делает осознанную попытку переключиться на нанайский, а потом, уже неосознанно, снова переходит на более привычный русский. В статье будет более подробно показано, как происходят такие переключения и как это отражается на их формальных свойствах.

Я сосредоточусь на двух аспектах рассматриваемых текстов. Во-первых, я проанализирую речевое поведение носителя в случаях «каузации переключения кодов» (прямые просьбы говорить по-нанайски и попытки воздействовать на рассказчика опосредованно): частоту и объем фрагментов на нанайском и русском языках, структурные особенности предложений с переключением кодов и под. (раздел 3). Во-вторых, я более кратко укажу на некоторые характерные черты фрагментов на русском языке, встречающихся в анализируемой выборке текстов (раздел 4). Предваряют анализ социолингвистические сведения о горинском говоре нанайского языка, биография носителя, описание коллекции текстов и обстоятельств их записи (раздел 2). Результаты исследования обобщаются в завершающем разделе 5.

2. Данные исследования

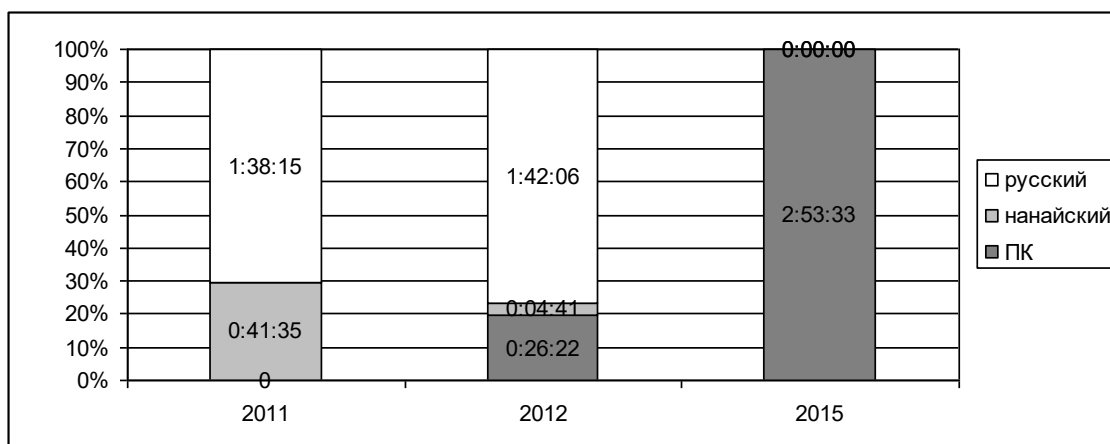
Рассматриваемые записи получены от носителя горинского говора нанайского языка. Горинский говор — один из наименее сохранных. Его носители проживают главным образом в с. Кондон Солнечного района Хабаровского края. Всего, по нашим оценкам, осталось около 20 компетентных носителей. Все они в совершенстве владеют русским языком. В повседневном быту говор практически не используется.

Носительница, от которой записаны тексты (далее я буду называть ее VSG), родилась в 1932 г. в стойбище Сорголь (на территории современного села Кондон). Около трех лет училась в школе. По-русски до школы не говорила. Жила в Кондоне, потом, выйдя замуж, короткое время на Амуре, потом вернулась и до настоящего времени живет в русском поселке Харпичан, ок. 10 км от Кондона, где и были сделаны записи. В последние годы VSG говорит в быту в основном на русском языке. Ее дети, живущие в том же поселке, понимают нанайский, но не

используют, муж-нанаец (носитель другого говора) умер примерно за десять лет до нашей первой записи.

Тексты от VSG мы записывали совместно с С. А. Оскольской трижды — за три коротких похода в Харпичан: в 2011, 2012 и 2015 гг. Задачи и формат записей были одинаковы: VSG по просьбе лингвистов рассказывала о прошлом и описывала случаи из жизни на нанайском языке (время от времени переходя на русский). При первых двух записях присутствовали двое лингвистов, при последней — двое лингвистов и дочь VSG (которая как минимум понимает обращенную к ней бытовую речь на нанайском языке, но сама активно язык не использует). Общий объем записей в трех сессиях сопоставим — около 2–3 часов. При этом готовность информанта порождать тексты на нанайском языке заметно различалась. Диаграмма 1 показывает, как в записях уменьшается доля нанайских текстов и растет доля «смешанных» (с интенсивным переключением кодов). Среди текстов 2011 г. таких нет вообще (а значительную часть записей на русском языке составляют «параллельные версии» нанайских текстов). Выборка 2015 г., напротив, состоит исключительно из таких текстов.

Диаграмма 1. Записи VSG 2011–2015 гг.: распределение по языкам

Можно констатировать, что у информанта (возможно, в силу возраста, возможно, отчасти по причинам, связанным с конкретной ситуацией записи) снижается способность к произвольному выбору и контролю языка коммуникации. В статье будут проанализированы ключевые для такой ситуации контексты, а именно контексты, когда со стороны собеседника поступает запрос на переключение кодов (просьба говорить по-нанайски).

В качестве материала исследования выбраны записи 2015 года, наиболее интересные с этой точки зрения. Это около трех часов рассказов с постоянным переключением кодов и фрагментами на нанайском языке не более минуты. Запись была не сплошной: это 35 коротких аудиофайлов, содержащих каждый в той или иной степени связный и цельный нарратив.

Количественному анализу будет подвергнута только часть данных (которая полностью расшифрована и снабжена специальной ручной разметкой переключения кодов в программе ELAN), а именно 15 текстов общим объемом около 1 часа (01:02:21, 1343 клаузы). Качественные утверждения делаются относительно всего массива текстов.

3. Реакции на каузацию переключения кодов

3.1. Классификация данных

Ниже будут рассмотрены контексты «реакции на каузацию переключения кодов», т.е. такие контексты, в которых слушатель вынуждает рассказчика перейти с русского на нанайский. Рассказчиком я буду, соответственно, называть того, кто порождает нарратив (в данном случае VSG), слушателем (слушателями) — того (тех), к кому нарратив обращен и кто вставляет в текст лишь отдельные редкие реплики (в данном случае это два лингвиста и дочь VSG).

Одним контекстом реакции на каузацию переключения кодов я условно буду считать последовательность из следующих четырех фрагментов: предтекст (реплика рассказчика) > стимул (реплика слушателя, содержащая каузацию переключения кодов) > реакция (следующая за стимулом реплика рассказчика)³ > посттекст (следующее за реакцией предложение). Например:

(1) vsg_151013_ns_71_MjasoPrivezli_rus_nan

ПРЕДТЕКСТ: Оставила го=

СТИМУЛ: По-нанайски рассказывай!

РЕАКЦИЯ: {Ой}\ {ča-du bi uliksə gələ-ndə-u-su}\!
 *** это-DAT быть.PRS мясо искать-MPURP-IMP-2PL
 ‘{Ой}_{RUS}, {мясо, которое в этом, пойдите поищите}_{NAN}!’

ПОСТТЕКСТ: {Зэр-u-su}\!
 есть-IMP-2PL
 ‘{Поешьте!}_{NAN}’

Стимулом я буду считать реплику слушателя целиком, т.е. в качестве одного стимула будут учитываться реплики любой длины (обычно, впрочем, они очень короткие). В качестве предтекста, реакции и посттекста я буду рассматривать по одному предложению (элементарной дискурсивной единице)⁴. Основным предметом анализа будет предложение-реакция. Предтекст и посттекст будут проанализированы менее подробно. В качестве контрастивных данных привлекаются данные по тем фрагментам текста, которые не содержат каузации переключения кодов.

Всего в выборке 108 контекстов каузации переключения кодов (на 1343 клаузы). Ниже я опишу использованную при их анализе классификацию: отдельно для стимулов (3.1.1), отдельно для реакций (3.1.2).

3.1.1. Классификация стимулов

В записях, как было сказано выше, участвовало три слушателя: дочь VSG и два лингвиста (LINGV1 и LINGV2). Я разделяю стимулы каузации переключения кодов на три типа, и каждый из них в данном случае использовался преимущественно одним из слушающих.

Тип 1. Прямые стимулы

Прямая просьба говорить по-нанайски. В данном случае сами такие реплики все были на русском языке. Этот тип стимулов использовала, в основном, дочь VSG. Например:

(2) vsg_151013_ns_86_RanjsheVKondone_rus_nan

ПРЕДТЕКСТ: Ой как де= Кондоне девчата...

СТИМУЛ: По-нанайски не забывай!

РЕАКЦИЯ: Ой.. {Kondon-do əkə-səl} выступать начнет/
 *** Кондон-DAT женщина-PL *** ***

³ «Реакцией» я буду условно называть любое предложение, следующее за стимулом, даже если рассказчик очевидным образом не реагирует на просьбу слушателя о переключении кодов.

⁴ Под предложением ниже понимается единица устного текста, как правило, содержащая предикат (клауза) или не содержащая его, но обладающая просодической автономностью (единая интонационно и отделенная паузами от соседних).

{Ой}RUS, {в Кондоне женщины}NAN {выступать начнут}RUS’.

Тип 2. Косвенные стимулы

Стимулы на нанайском языке, включающие вопросы, переспросы, повторы на нанайском языке русских реплик рассказчика. Такие реплики прямой каузации переключения кодов не содержат, но, как и в первом случае, их цель (осознаваемая слушателем) — заставить рассказчика перейти на нанайский язык. Этот тип реплик использовал в основном один из лингвистов (LINGV1). Например:

(3) vsg_151013_ns_74_BogatyjStarikUmer_rus_nan

ПРЕДТЕКСТ: Это первый\ умер

СТИМУЛ: Bud-ki-ni/?
умирать-PST-3SG

{Умер?}NAN’

РЕАКЦИЯ: {Баа= Богатый старик\} {bud-ki-ni}
*** ** умирать-PST-3SG

{Богатый старик}RUS {умер}NAN’.

Тип 3. Поддерживающие стимулы

Еще один тип реплик, которые можно рассматривать в контексте каузации переключения кодов, — это вставляемые слушателем маркеры обратной связи (*Aga*, *Ugu* и под.). Такие реплики (и практически только они) исходили от второго лингвиста (LINGV2), непосредственно записывавшего тексты.

(4) vsg_151013_ns_80_KondonskijKlub_rus_nan

VSG: {Вместе} ... {gəsə urə-xə-pu}\
*** ... вместерасти-PST-1PL

{Вместе}RUS ... {вместе выросли}NAN’.

LINGV2: Угу\

Маркеры обратной связи могут иметь достаточно широкий круг дискурсивных функций (см. об основных функциях маркеров обратной связи [Gardner 1998]; [O’Keefe, Adolphs 2008]; [Knight 2011: 78–105]; о русских маркерах обратной связи — [Зудина 2008]). В рассматриваемой выборке текстов, однако, просматривается очевидная тенденция к их использованию именно в тех случаях, когда рассказчик переходит с русского языка на нанайский (см. ниже, раздел 3.8). Таким образом слушающий передает рассказчику информацию вроде: ‘продолжайте говорить на этом языке, я все понимаю’. Я, однако, оставляю за пределами данного исследования вопрос о том, реагирует ли сам рассказчик на такие поддерживающие переключение кодов маркеры обратной связи. Ниже с этой точки зрения рассматриваются только прямые и косвенные стимулы.

3.1.2. Классификация реакций

Предложения, следующие за каузацией переключения кодов, классифицировались по следующим признакам: 1) отсутствие / наличие и характер реакции, 2) соотношение с предтекстом, 3) характер посттекста, 4) наличие маркеров гезитации и особых маркеров переключения кодов. Для предложений со смешением кодов также рассматривались: 5) структурный и 6) линейный тип смешения кодов. Ниже приводятся комментарии и примеры на каждый признак.

1) Наличие и характер ответа на стимул

Встретились следующие случаи:

а) Отсутствие реакции

Рассказчик, игнорируя (возможно, не замечая) просьбу о переключении кодов, продолжает рассказ по-русски. Ср.:

(5) vsg_151013_ns_69_PoJagody_rus_nan

ПРЕДТЕКСТ: Деда\ стреляла

СТИМУЛ: Старайся им надо по-нанайски\!

РЕАКЦИЯ: А люди/ говорит: Оооо\

б) Предложение-реакция на русском языке

Как и в предыдущем случае, предложение, следующее за стимулом, строится на русском языке. Однако понятно, что стимул был замечен рассказчиком, а течение рассказа прервано. Этот тип я отличаю от предыдущего по наличию пауз хезитации, речевых сбоев и тому подобных маркеров в начале предложения (см. ниже).

(6) vsg_151013_ns_74_BogatyjStarikUmer_rus_nan

ПРЕДТЕКСТ: Там на речке есть\ яма — рыба\ кипит

СТИМУЛ: А по-нанайски\ расскажите! По-нанайски\ расскажите!

РЕАКЦИЯ: Ай ... эээ дедушка\ сачком эээ эээ де=

в) Эксплицитный отказ от переключения кодов

Имеются в виду реакции типа следующей (7):

(7) vsg_151013_ns_76_RasskazhiteProPanjo_rus

ПРЕДТЕКСТ: Панёшка⁵\

СТИМУЛ: По-нанайски про паня расскажи!

РЕАКЦИЯ: Чо я все равно не соображу\ Эти панёшка\ Тяжело\ рассказывать

г) Переключение кодов

Реакцией на стимул является (как минимум одно) предложение по-нанайски:

(8) vsg_151013_ns_74_BogatyjStarikUmer_rus_nan

ПРЕДТЕКСТ: Давай этого ... нашу дедушку\ выгонять

СТИМУЛ: По-нанайски!

РЕАКЦИЯ: {Puḡa-lo-xa-ni\ ča-doki\}

гнать-INCH-PST-3SG это-ABL

‘{Начал прогонять оттуда}NAN’.

д) Смешение кодов

Реакцией на стимул является предложение с фрагментами нанайского и русского языка (смешением кодов):

(9) vsg_151013_ns_86_RanjsheVKondone_rus_nan

ПРЕДТЕКСТ: Он подарила поварешка\ Оооо\

СТИМУЛ: По-нанайски\ расскажи!

РЕАКЦИЯ: {Поварешка} {bū-xə-ni\}

*** давать-PST-3SG

‘{Поварешку}RUS {подарила}NAN’.

Отметим, что и в последних двух случаях, строго говоря, нельзя априори уверенно утверждать, что использование нанайского языка возникает именно в ответ на стимул, а не по независимым причинам. Это требует отдельного доказательства (см. обсуждение ниже). Здесь мы пока ограничиваемся простой чисто эмпирической классификацией.

2) Соотношение с предтекстом

⁵ Панё — ритуальный предмет (фигурка или полотно), пристанище души умершего.

Второе основание для классификации реакций на переключение кодов — семантическое соотношение реакции с предтекстом (последней репликой рассказчика, за которой следует реплика-стимул со стороны слушателя). По этому признаку я выделяю три типа реакций.

а) Повтор

Предтекст полностью повторяется (как правило, это повтор русского предложения по-нанайски или со смешением кодов).

(10) vsg_151013_ns_80_KondonskijKlub_rus_nan

Уже третий день уже я его пью\

(СТИМУЛ)

Әәә ела ini {уже} omi-j-i\

әәә три день *** пить-PRS-1SG

‘Три дня {уже}RUS пью’.

б) Модификация

Реакция не в точности копирует предтекст, но может считаться его модификацией с незначительными изменениями и добавлениями.

(11) vsg_151013_ns_77_Shaman_rus_nan

А тут ... поехали/

(СТИМУЛ)

Әнә-хә-či Maŋgo-či\

идти-PST-3PL Амур-LAT

‘{Поехали на Амур}NAN’.

в) Новая информация

В этот тип попадают случаи, когда рассказчик после реплики слушателя просто продолжает повествование «с того же места» (хотя, возможно, и на другом языке), ср.:

(12) vsg_151013_ns_72_NazvaliDegde_rus_nan

Мамка пойдет сетку\ вытянет, рыбачит\

(СТИМУЛ)

И {mimbiә ča-du n'oan-du-ni dәрәži-wән-ži-ni}

*** я.ACC это-DAT он-DAT-3SG оставаться-CAUS-PRS-3SG

‘И {меня (ребенка) там с ней (соседкой) оставляет}NAN’.

По семантическому соотношению с предтекстом можно косвенно судить о том, возникает ли переключение кодов в ответ на стимул или по независимым причинам: в случае повтора или модификации вероятность этого выше.

3) Язык посттекста

Помимо языка предложения-реакции анализировался язык, использованный в следующем за ним предложении: а) нанайский, б) русский, в) смешение кодов. Это делалось для того, чтобы оценить, насколько стабильна реакция на каузацию переключения кодов и следует ли она непосредственно за стимулом или может быть отложенной.

4) Маркеры переключения кодов, гезитация, самокоррекция

Также отдельно отмечались формальные явления, про которые можно предполагать, что они отражают процесс рефлексии говорящего о переключении кодов и привлекают к переключению внимание слушающего (ср. противопоставление “smooth vs. flagged switches” и обсуждение этого круга явлений в работах Ш. Поплак, см., в частности, [Poplack 1988]). Это, во-первых, эксплицитное указание на переключение (или на то, что рассказчик заметил, что говорит не на том языке, на котором планировал): в основном, междометия типа *Ой!*:

(13) vsg_151013_ns_86_RanjsheVKondone_rus_nan
 ПРЕДТЕКСТ: Кто смотрели/ то воровали\ Везде...
 СТИМУЛ: По-нанайски\ говори
 РЕАКЦИЯ: {Ой\ эээ ой\} {puŋ-məgi gələ-či-xə-či}
 *** ***/ ***/ ***/ ХОДИТЬ-CVB.SIM.PL ИСКАТЬ-IPFV-PST-3PL
 ‘{Ой, эээ, ой}RUS, {они ходили искали}NAN’.

Во-вторых, это явления, свидетельствующие о хезитации: паузы, речевые сбои, повторы и самокоррекция, лексические маркеры хезитации вроде *вот, это* и под. См. примеры:

(14) vsg_151013_ns_70_DedPoshelNaOxotu_rus_nan
 ПРЕДТЕКСТ: А кровь\ добавил нутряной\
 СТИМУЛ: По-нанайски\ скажи!
 РЕАКЦИЯ: Эээ {нутряной} ... {səksə-ni}\
 *** ***/ ***/ ***/ кровь-3SG
 ‘{Нутряную}RUS {кровь}NAN’.

(15) vsg_151013_ns_70_DedPoshelNaOxotu_rus_nan
 ПРЕДТЕКСТ: А там печонка\ ...почка\
 СТИМУЛ: По-нанайски скажи/ им! Название\
 РЕАКЦИЯ: {Эээ хай} ... meawa-ni\
 эээ HESIT сердце-3SG
 ‘{Эээ это ... сердце}NAN’.

(16) vsg_151013_ns_69_PoJagody_rus_nan
 ПРЕДТЕКСТ: Уже... голодный\
 СТИМУЛ: По-нанайски!
 РЕАКЦИЯ: {Naj= naj-sal} идет <НРЗБ>
 человек человек-PL *** ***/
 ‘Чел= люди идут’.

Я отмечала только те из этих явлений, которые были локализованы либо в начале предложения (после стимула), либо на стыке разноязыковых фрагментов. Такие явления учитывались и в предложениях, где собственно переключения при этом не происходило (см. пример (6)).

5) Структурный тип смешения кодов

Для реакций, в которых было представлено смешение кодов (переключение кодов внутри предложения), также отмечался его структурный тип по [Muysken 2000]. П. Мейскен выделяет три типа смешения кодов: инсерцию (insertion), альтернацию (alternation) и конгруэнтную лексикализацию (congruent lexicalization). При инсерции лексический материал одного из языков вставляется в морфосинтаксическую рамку другого языка. Например, глагол берется из одного языка, а его аргументы из другого. В рассматриваемой выборке встретились и примеры, которые можно интерпретировать как вставку нанайского материала в русскую структуру (17), и, наоборот, вставки русского материала в нанайскую структуру (18).

(17) vsg_151013_ns_80_KondonskijKlub_rus_nan
 Эээ {utkə-ni} открываю/
 *** дверь-3SG ***/
 ‘Эээ {дверь}NAN открываю...’

(18) vsg_151013_ns_70_DedPoshelNaOxotu_rus_nan
 Mi\ эм {нарта} гаžo-j
 я один *** тащить-PRS.1SG
 ‘Я одну {нарту}RUS тащу...’

вроде (18) попадали в тот же тип предложений, начинающихся с нанайского языка, что и примеры типа (20)).

3.2. Язык предложения-реакции

Диаграмма 2 показывает распределение ответов на каузацию переключения кодов (в соответствии с классификацией, описанной выше). Чаще всего (44%) в ответ на каузацию переключения кодов следует предложение со смешением кодов. Предложений полностью на нанайском языке всего 20%, примерно столько же — предложений на русском, про которые очевидно, тем не менее, что стимул был воспринят рассказчиком. Предложений, в которых присутствует нанайский язык (нанайских и со смешением кодов в сумме), — больше половины, но не подавляющее большинство (64%).

Диаграмма 2. Типы ответов на стимул

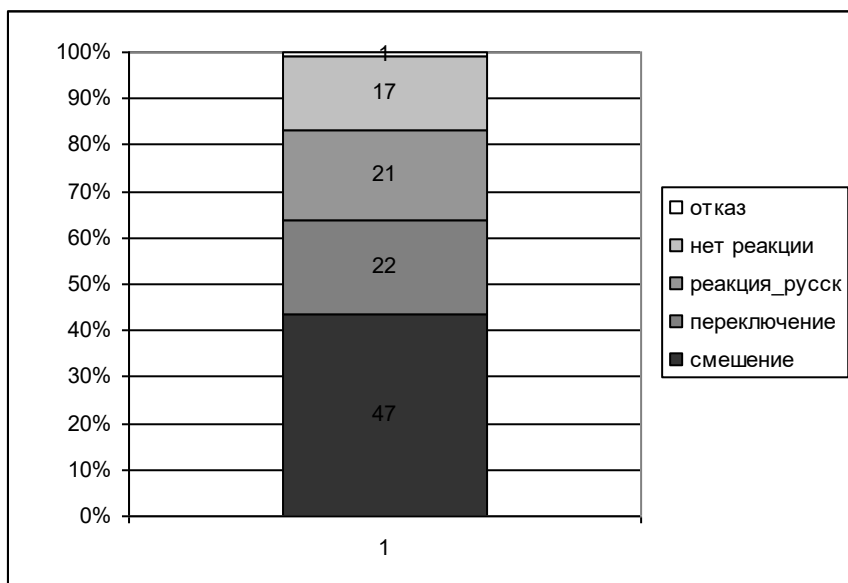
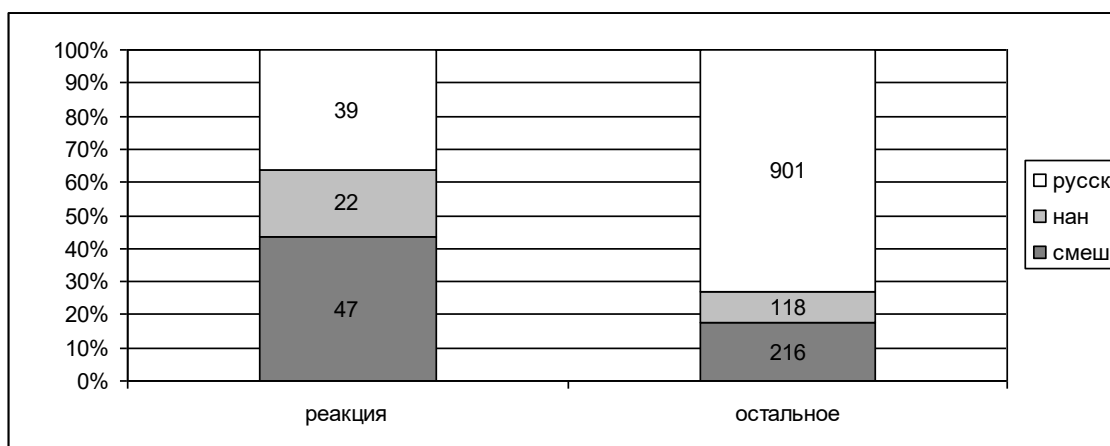

Диаграмма 3 показывает, что количество предложений со смешением кодов и предложений на нанайском языке среди реакций на каузацию переключения кодов больше, чем остальных предложений выборки, а на русском — меньше (различие везде статистически значимо, точный двусторонний критерий Фишера⁶). При этом интересно, что для предложений на нанайском языке различие меньше, чем для предложений со смешением кодов.

Диаграмма 3. Язык предложений-реакций vs. остальных предложений выборки

⁶ Значимо больше предложений со смешением кодов: $p < 0.0001$, значимо больше предложений на нанайском языке: $p = 0.0014$, значимо меньше предложений на русском языке: $p < 0.0001$. В число «предложений на русском языке» попали в том числе и интерпретированные выше как предложения без реакции на стимул (про которые есть твердые основания предполагать, что рассказчик просто его не заметил). Без них различие оказывается, соответственно, еще больше.

Таким образом, из представленных данных следует, что а) реакция в виде переключения кодов действительно имеет место в ответ на стимул, однако далеко не всегда и б) основной тип реакции — предложения, содержащие и русские, и нанайские фрагменты (смешение кодов), а не полный переход на нанайский язык.

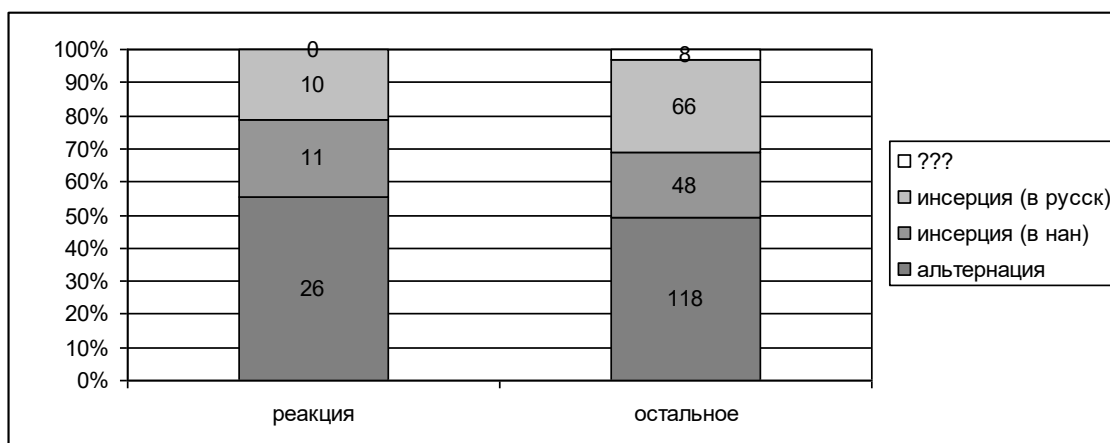
3.3. Маркеры переключения кодов, хезитация, самокоррекция

В выборке не так много случаев маркированного (flagged) переключения кодов, когда за стимулом следует эксплицитная рефлексия (*ой! сейчас по-нанайски скажу*) или процессы, свидетельствующие о ней (паузы хезитации, самокоррекция и др.). Среди всех типов реакций встретилось всего 8 случаев эксплицитного маркирования переключения кодов (7% от всех предложений выборки). Сопровождающие процессы зафиксированы в 39 предложениях (36%). Чтобы проверить, действительно ли они отражают процесс рефлексии о переключении кодов, необходимы более детальные сведения о частоте тех же явлений (пауз, самокоррекции) в речи VSG в других контекстах.

3.4. Структурный тип смешения кодов

Рассмотрим подробнее самый частотный тип реакции на каузацию переключения кодов — предложения со смешением кодов. На Диаграмме 4 показана относительная частота разных структурных типов таких предложений по классификации П. Мейскена.

Диаграмма 4. Структурный тип смешения кодов: реакции на каузацию переключения кодов vs. остальные предложения выборки

Среди реакций со смешением кодов альтернатива и инсерция представлены примерно в равном объеме (55% случаев альтернативы). Интересно, что инсерция разных типов (та, при которой нанайский материал вставляется в русскую морфосинтаксическую рамку, и та, при которой русский материал вставляется в нанайскую) встречается примерно в равном количестве. При этом, как показывает та же диаграмма, нельзя сказать, что такое распределение по структурным типам характерно именно для предложений-реакций и как-либо связано с самой ситуацией каузации переключения кодов. Распределение в остальных предложениях выборки показывает правый столбец диаграммы: статистически значимой разницы ни для одного из структурных типов не выявлено (точный двусторонний критерий Фишера). Таким образом, это скорее свойство данного типа текстов в целом.

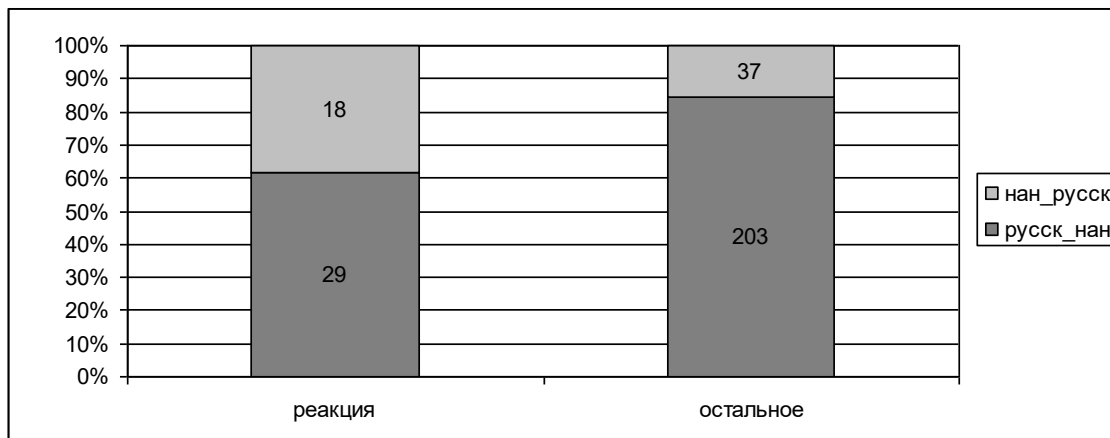
В соответствии с типологическими предсказаниями П. Мейскена [Muysken 2000: 247–249], движение от инсерции к альтернативе ожидается в ситуации, когда один из языков оказывается строго доминирующим, и в данном случае мы имеем дело как раз с такой ситуацией.

Другое предсказание касается морфосинтаксической структуры контактирующих языков: если хотя бы один из них — язык со сложной агглютинативной морфологией (в данном случае это можно сказать о нанайском), это способствует стабильности и жизнеспособности инсерции в ситуации смешения кодов. Действием этого, структурного, фактора можно было бы объяснить тот факт, что значительного преобладания альтернативы, несмотря на действие социолингвистического фактора, тем не менее, не наблюдается. Однако в этом случае имело бы место преобладание вставок русского материала в нанайскую структуру, чего в действительности не наблюдается. Более того, среди вставок русского материала в нанайский, такие, при которых в смешение кодов вовлекается именно морфология (русская основа оформляется нанайскими словоизменительными аффиксами), достаточно редки.

3.5. Линейный тип смешения кодов

Реакции на каузацию переключения кодов не отличаются от остальных предложений выборки со смешением кодов по структурному типу, однако различие наблюдается с точки зрения линейного порядка нанайского vs. русского фрагментов предложения, см. Диаграмму 5.

Диаграмма 5. Линейный тип смешения кодов: реакции на каузацию переключения кодов vs. остальные предложения выборки

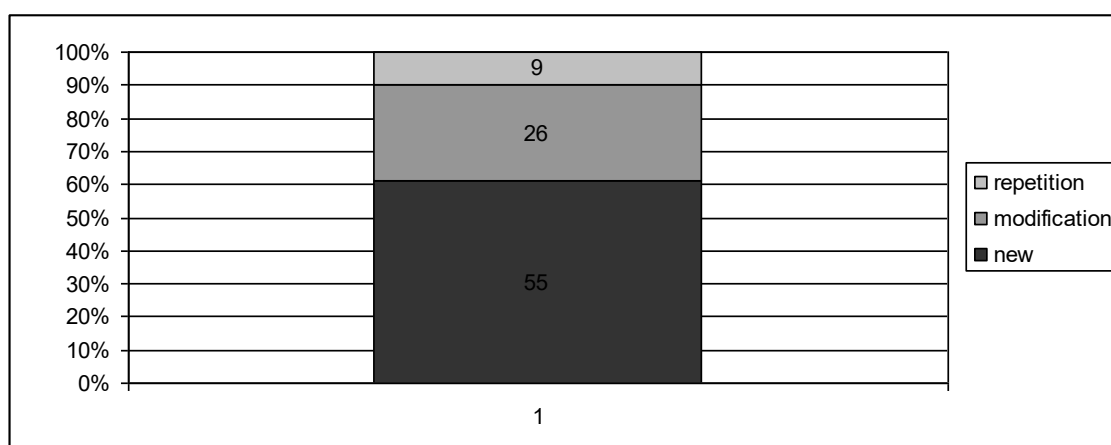

В реакциях со смешением кодов больше предложений, начинающихся на русском языке (62%). Однако доля предложений, начинающихся по-нанайски, среди них значимо выше, чем в остальных предложениях со смешением кодов (точный двусторонний критерий Фишера, $p=0.0008$). Можно интерпретировать эти данные так, что среди непосредственных реакций на каузацию переключения кодов больше, чем в среднем по выборке, случаев, когда рассказчик принял решение говорить по-нанайски, но не следует ему даже в пределах предложения⁷.

3.6. Реакция и предтекст

Диаграмма 6 иллюстрирует распределение реакций по соотношению с предтекстом (тем предложением, которое предшествовало просьбе слушателя говорить по-нанайски). Те предложения по-русски, которые были классифицированы как «отсутствие реакции» (см. 3.1.1 выше) не учитывались.

Диаграмма 6. Типы реакций по соотношению с предтекстом

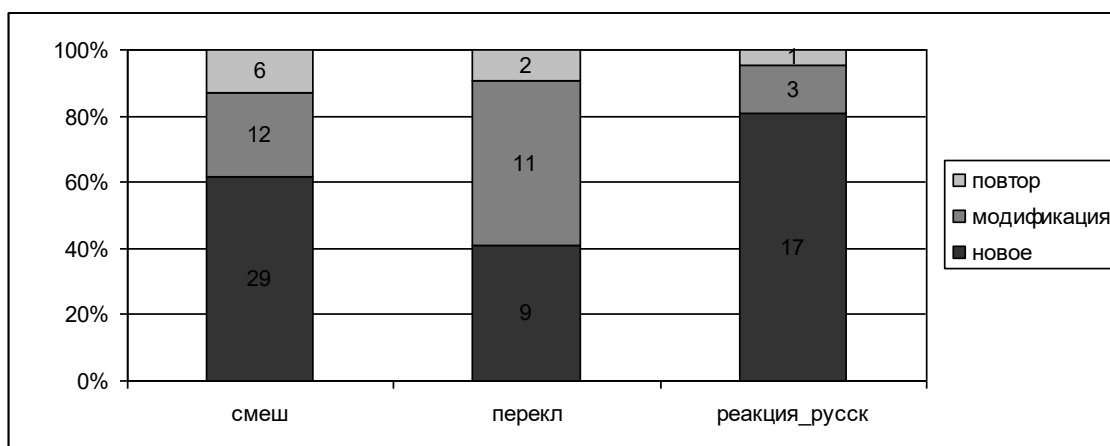

Предложений, в которых говорящий, переключаясь (или делая попытку переключения) на нанайский, просто продолжает начатый рассказ, а не повторяет или модифицирует сказанное по-русски, несколько больше (61%). Предложений-модификаций больше, чем предложений с полным повтором.

На Диаграмме 7 отдельно показаны результаты для предложений со смешением кодов, предложений по-нанайски и тех предложений по-русски, которые есть основания считать осознанной реакцией на стимул.

Диаграмма 7. Типы реакций по соотношению с предтекстом: смешение кодов, нанайский, русский

⁷ Про остальные предложения выборки можно теоретически предполагать, что, начиная предложение с нанайского, говорящий, наоборот, не договорив, принимает и реализует сознательное решение переключиться на русский. Однако, как кажется, общее желание «рассказывать по-нанайски» распространяется на весь текст в целом и реплики слушателей не меняют стратегию рассказчика, а скорее напоминают ему о выбранной стратегии.

Статистически значимой разницы между предложениями со смешением и полным переключением кодов не отмечается. Зато представленное для них распределение отличается от распределения для предложений на русском языке: предложений с модификацией и повтором предтекста ожидаемо больше, см. Таблицу 1.

Таблица 1. Типы реакций по соотношению с предтекстом: переключение кодов vs. русский

	новое	модификация и повтор	точный двусторонний критерий Фишера
реакция по-русски	17	4	p=0.0417
смешение и переключение	38	31	

3.7. Реакция и посттекст

Чтобы понять, локализуется ли реакция на каузацию переключения кодов в предложении, непосредственно следующем за стимулом или не / не только в нем, я сопоставила распределение по языкам для этого предложения (условно называемого здесь предложением-реакцией)⁸ и следующего за ним (посттекста). Эти данные представлены на Диаграмме 8. Для контраста там же приводятся данные по всем остальным предложениям выборки.

Диаграмма 8. Распределение по языкам: реакция, посттекст и прочие предложения выборки

⁸ Из предложений на русском языке в этом разделе в подсчет включены только те, которые выше отнесены к содержащим реакцию на стимул.

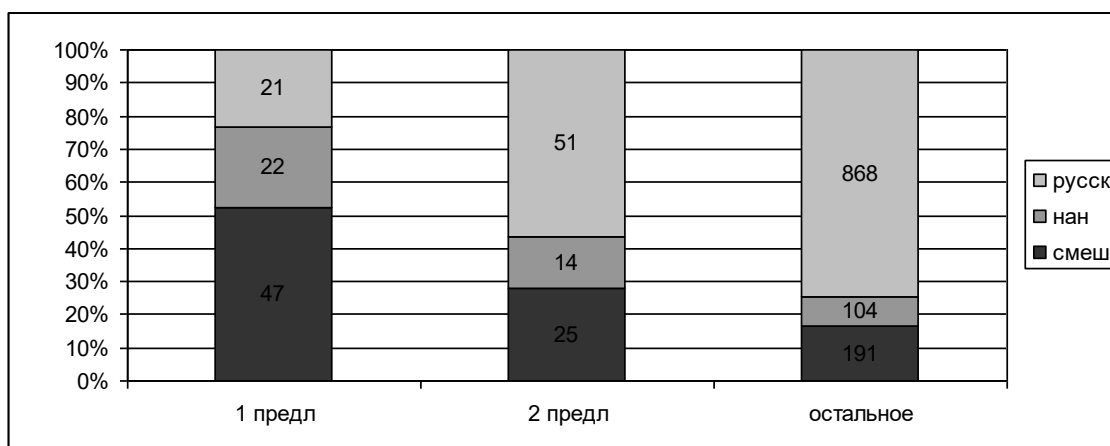

Диаграмма 8 показывает плавное изменение соотношения языков: доля предложений на нанайском и со смешением кодов уменьшается от предложений-реакций к предложениям, не вовлеченным в каузацию переключения кодов, доля предложений на русском языке увеличивается. Предложение-посттекст (второе после стимула) показывает промежуточные результаты. При этом для предложений со смешением кодов и предложений на русском языке разница более отчетлива, чем для предложений на нанайском. Статистически значима (точный двусторонний тест Фишера) разница между реакцией и посттекстом в доле русских предложений ($p < 0.0001$) и в доле предложений со смешением кодов ($p = 0.0013$). То же для посттекста и предложений выборки, не вовлеченных в каузацию переключения кодов: значимая разница в доле русских предложений ($p = 0.0005$) и предложений со смешением кодов ($p = 0.0088$). Разница в доле предложений на нанайском языке значима между предложениями-реакциями и «прочими» ($p < 0.0001$), но незначима и между реакциями и посттекстом ($p = 0.1917$), и между посттекстом и прочими предложениями выборки ($p = 0.0578$). Таким образом, можно сказать, что ответ на каузацию переключения кодов действительно в наибольшей степени локализуется в непосредственно следующем за ним предложении, однако затрагивает и предложение, находящееся чуть дальше.

Исходя из этого, попробуем более подробно рассмотреть не только первое следующее за стимулом предложение, но и комбинации из первого и второго предложений. В Таблице 2 содержатся данные о частотности всех логически возможных комбинаций (по языку первого и второго предложений).

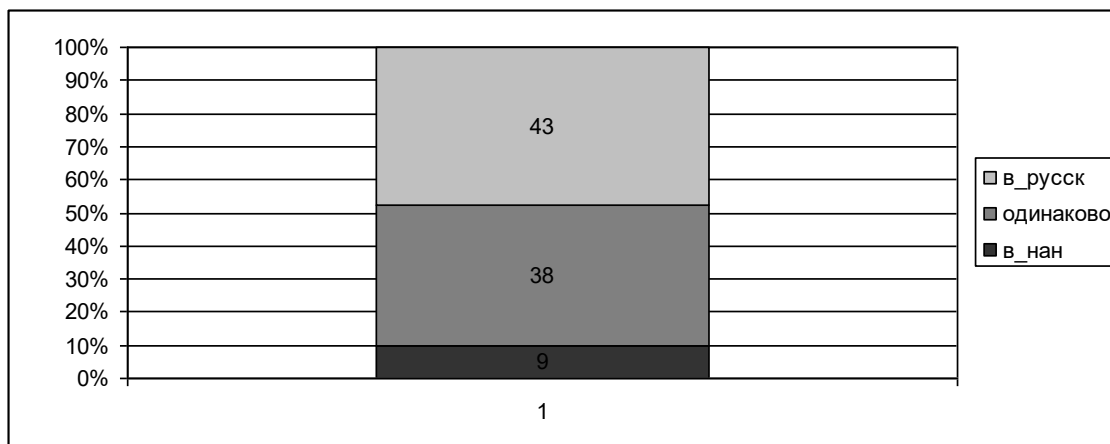
Таблица 2. Комбинации из двух предложений, следующих за стимулом

комбинация	N	%
смеш русск	28	31%
русск_русск	16	18%
смеш_смеш	15	17%
нан_смеш	8	9%
нан_рус	7	8%
нан_нан	7	8%
смеш_нан	4	4%
рус_нан	3	3%
рус_смеш	2	2%
всего	90	100%

Наиболее частотны случаи, когда за предложением со смешением кодов следует предложение на русском языке, наименее частотны случаи, когда за предложением на русском языке, наоборот, следует предложение со смешением кодов или на нанайском.

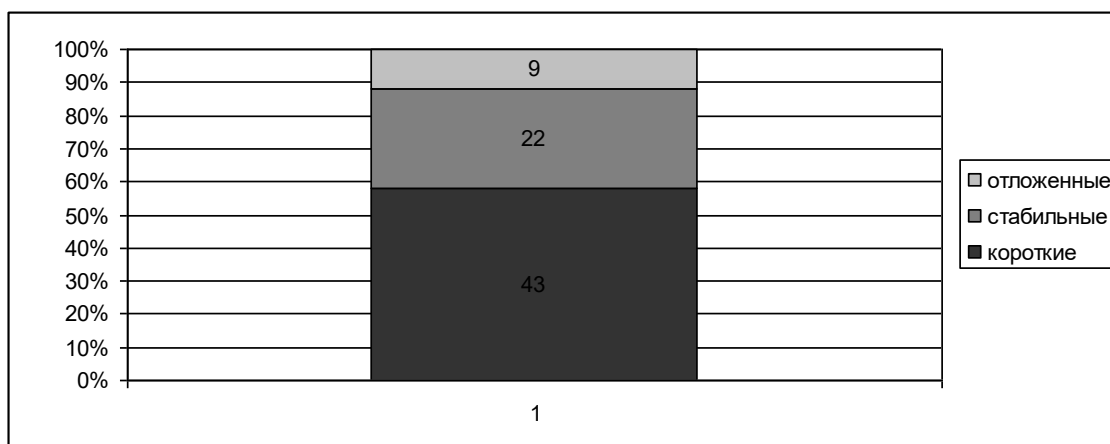
Если объединить эти комбинации в более общие типы в зависимости от того, наблюдается ли в них движение в сторону нанайского языка (рус_смеш, рус_нан, смеш_нан), русского (нан_смеш, нан_рус, смеш_рус) или ничего не меняется (рус_рус, смеш_смеш, нан_нан), то получается картина, представленная на Диаграмме 9. Движение от русского языка к нанайскому наблюдается редко, стабильных случаев и случаев движения от нанайского к русскому сопоставимое число.

Диаграмма 9. Комбинации из двух предложений, следующих за стимулом: движение в сторону русского vs. нанайского языка

Из Диаграммы 10 исключены наименее интересные случаи, когда язык обоих предложений русский, и те же данные организованы немного по-другому.

Диаграмма 10. Стабильность переключения кодов в ответ на стимул

О данных Диаграммы 10 можно говорить в терминах стабильности переключения кодов в ответ на каузацию переключения. Можно выделить «короткие» реакции: первое предложение со смешением кодов или по-нанайски, а второе по-русски или первое по-нанайски, а второе со смешением кодов; «стабильные»: оба предложения по-нанайски или оба со смешением кодов — и «отложенные»: первое предложение по-русски, а второе со смешением кодов или по-нанайски

или первое со смешением кодов, а второе по-нанайски. Картина получается более отчетливой: наиболее частотны короткие реакции, реже стабильные, наиболее редки отложенные.

3.8. Реакция и тип стимула

Выше говорилось о прямой каузации переключения кодов (эксплицитная просьба говорить по-нанайски) и косвенной (когда слушатель, с целью переключить на нанайский рассказчика, сам вставляет реплики по-нанайски). Большая часть зафиксированных в выборке случаев — случаи прямой каузации (88 из 108, 82%). Из трех слушателей VSG каузация переключения кодов чаще всего исходила от ее дочери и реже от двух записывающих лингвистов, косвенная каузация представлена почти исключительно в репликах лингвистов (особенно одного из них). См. Таблицы 3 и 4.

Таблица 3. Стимулы: распределение по говорящим

	N	%
vsg_daughter	75	69%
lingv1	16	15%
lingv2	17	16%
всего	108	100%

Таблица 4. Стимулы: распределение по типам каузации

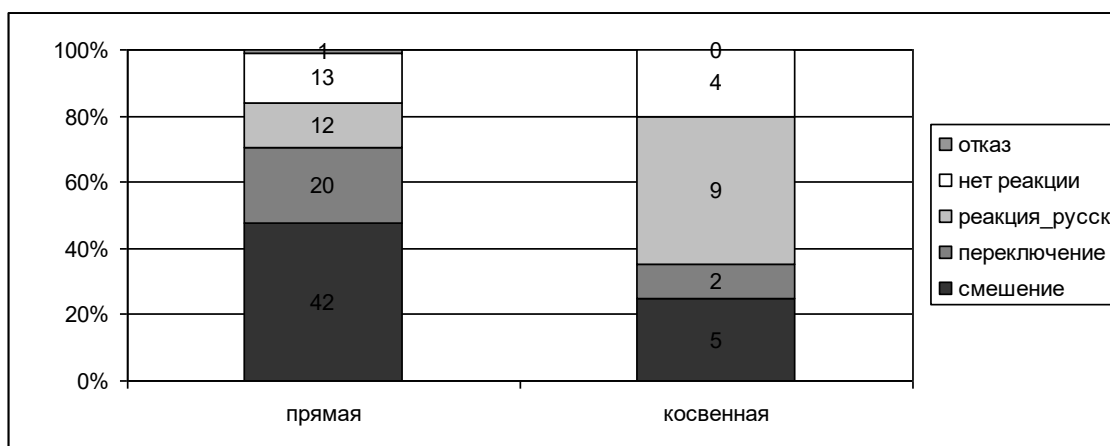
	прямая	косвенная	% прямой
vsg_daughter	74	1	99%
lingv2	12	5	71%
lingv1	2	14	13%
всего	88	20	81%

Сопоставление типа стимула с типом реакции дает следующий результат: больше случаев переключения и смешения кодов наблюдается при прямой каузации, чем при косвенной, см. Таблицу 5 и более подробные данные на Диаграмме 11.

Таблица 5. Смешение и переключение кодов при прямой vs. косвенной каузации

	смешение и переключение	прочее	точный двусторонний критерий Фишера
прямая	62	26	p=0.0044
косвенная	7	13	

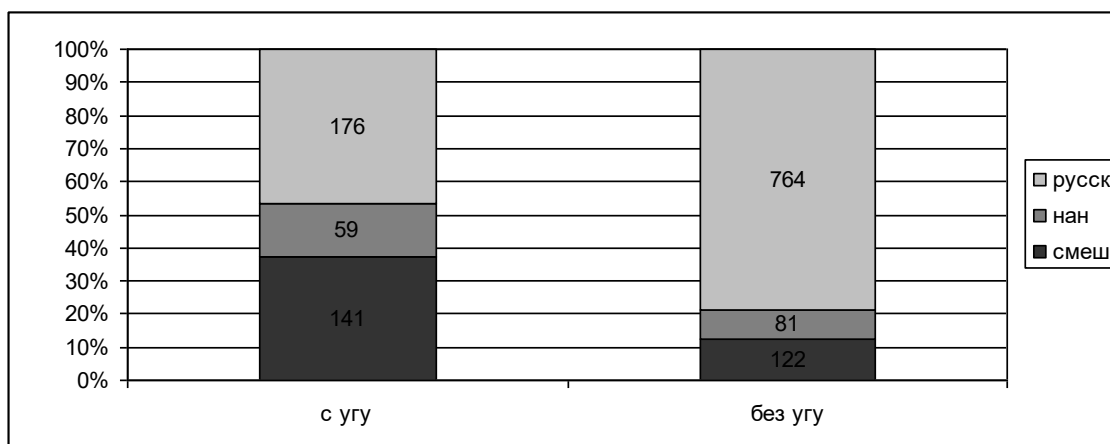
Диаграмма 11. Типы реакций при прямой vs. косвенной каузации переключения кодов

Кажется, однако, что результат связан скорее со спецификой коммуникативной ситуации: прямые просьбы говорить по-нанайски исходили в основном от дочери VSG, которая, в частности, просто говорила значительно громче и настойчивее обоих лингвистов.

Еще один тип реплик слушателя, упомянутый выше в связи с переключением кодов, — маркеры обратной связи. В 3.1.2 было высказано предположение о том, что в рассматриваемой выборке текстов они используются в специфической функции поддержания переключения кодов. На Диаграмме 12 приведены косвенно подтверждающие это предположение количественные данные (для самого частотного в выборке маркера угу).

Диаграмма 12. Маркер обратной связи угу в ответ на предложения с переключением и смешением кодов

В левом столбце дано частотное распределение по языку (русский / нанайский / смешение кодов) для тех предложений рассказчика, которые пересекаются по времени с репликой слушающего угу (на какое именно место в предложении она накладывается, подробно не анализировалось). В правом столбце — для сравнения — аналогичные данные для предложений, не сопровождаемых маркером обратной связи. Диаграмма показывает, что маркер обратной связи угу чаще сопровождает предложение на русском языке, чем на нанайском или со смешением кодов, однако среди предложений, сопровождаемых маркером обратной связи, доля предложений со смешением кодов и доля предложений на нанайском языке значимо выше, чем среди прочих предложений выборки (точный двусторонний критерий Фишера, $p < 0.0001$).

Насколько, в свою очередь, такой «поддерживающий переключение кодов» маркер обратной связи влияет на дальнейшую речь рассказчика, не анализировалось.

4. Русские фрагменты в текстах с переключением кодов

В этом разделе будет рассмотрен еще один аспект описываемой выборки текстов. Как было сказано выше, основная особенность этих текстов состоит в том, что перед рассказчиком стоит вполне осознаваемая им задача породить нарратив по-нанайски, однако в реальности текст порождается на смеси нанайского и русского языков. Оказывает ли такая ситуация — при которой русский язык проникает в нарратив «нелегально» — влияние на грамматику русской речи этих текстов?

Русская грамматика VSG и в целом достаточно нестандартна (см. подробнее ниже), однако можно ожидать, что в таких текстах в дополнение к «статической» интерференции, закрепленной в идиолекте носителя (или, шире, в данной региональной разновидности русского языка) будет наблюдаться «динамическая» в терминах [Paradis 1993]; [Grosjean 1989; 2001], или «межъязыковой прайминг» (см. [Loebell, Bock 2003]). Иными словами, будет иметь место не / не только общее влияние нанайской грамматической системы на русскую, но и влияние на конкретный фрагмент русской речи нанайского языка, активированного в сознании носителя одновременно с русским («билингвальный режим» в терминах [Grosjean 2001]).

Зафиксированные в рассматриваемой выборке текстов с переключением кодов русские фрагменты действительно заметно отличаются от русской речи монолингвов. Ср. отклонения от монолингвального русского из примеров, приводимых выше: *Кондоне* вместо *в Кондоне* (опущение предлога, пример (2)), *выступить начнет* о нескольких женщинах (единственное число вместо множественного, пример (2)), *нашу дедушку* (рассогласование по роду, пример (8)), *подарила поварешка* (форма номинатива в позиции прямого объекта, пример (9)). Ср. также длинный фрагмент (23) из той же выборки, но полностью на русском языке. В нем встречается рассогласование по роду (*эта бабушкина отец*), нестандартная количественная группа (*пять сыновья*), опущение предлога (*Вовкой остались*), нестандартное управление (*заходите Вовка*) и др.

(23) vsg_151013_ns_86_RanjsheVKondone_rus_nan

Ну это наша бабушкина\ брат || Вот эта-то бабушкина эээ отец/ мать родила пять сыновья/ одна дочка\ || И она эта же дочка/ родила пять сыновья/ одна дочка\ || Вот\ это наши родители\ получилось || И дедушка\ была бедный-бедный\ || И она вышла\ || Она богатой семье вышла за дедушку\ нашу || Ой\ мы остались ... Н*** Вовкой\ остались || А вы Вовка\ заходите/ нашей Вовка? || Хромой Вовка\

4.1. Особенности русской речи в текстах с переключением кодов: количественные оценки

Ниже я попробую количественно оценить, отличаются ли русские фрагменты в текстах с переключением кодов от русской речи того же носителя без переключения кодов. В Таблице 6 указано, сколько таких нестандартных морфосинтаксических явлений встретилось в русских предложениях анализируемой выборки и сколько — в контрольной выборке русских текстов от VSG без переключения кодов (чуть меньшего объема). Отдельно показаны подсчеты для явлений, отнесенных условно к морфологии (нестандартное в области словоизменения и продуктивной деривации, нестандартный выбор времени, вида, числа и под.) и к синтаксису (нестандартное кодирование аргументов, рассогласование по роду, числу и падежу, нестандартное

использование служебных слов, нехарактерный для русского языка монолингвов порядок слов и под.).

Таблица 6. Число контактных морфосинтаксических явлений в русской речи: тексты выборки vs. тексты без переключения кодов

	тексты с ПК	тексты без ПК
всего предложений (по-русски)	940	547
контактное: синтаксис	474	228
контактное: морфология	92	61
контактное/100 предл.	60,21277	52,83364
синт./100 предл.	50,42553	41,6819
морф./100 предл.	9,787234	11,15174

Таблица показывает, что количество контактных черт на сто клауз для выборки текстов с переключением кодов действительно больше, однако разница незначительна. Интересно, что для явлений, которые были отнесены к морфологии, разницы нет совсем (в текстах без переключения кодов их оказалось даже чуть больше). Она возникает только в области синтаксиса (к которому, напомним, отнесен, в частности, выбор падежа и всех согласовательных категорий).

Более подробные данные для синтаксических явлений приведены в Таблице 7.

Таблица 7. Число контактных морфосинтаксических явлений в русской речи: тексты выборки vs. тексты без переключения кодов

тексты без ПК	тексты с ПК	%	тексты без ПК	%	точный двусторонний критерий Фишера
согл.: прил.	121	26%	40	18%	sign, p=0.0212
согл.: глаг.	65	14%	43	19%	
согл.: личн. мест.	14	3%	3	1%	
управление	70	15%	23	10%	sign, p=0.0145
номинатив в позиции прямого объекта	46	10%	14	6%	
опущ-е предлога	49	10%	28	12%	
колич. группа	22	5%	14	6%	
пос. группа	22	5%	8	4%	
завис. клауза	12	3%	11	5%	
топик	10	2%	8	4%	
отрицание	9	2%	4	2%	

сочинение	8	2%	1	0%	
глагол. конструкции	7	2%	5	2%	
мена части речи	4	1%	2	1%	
залог	4	1%	4	2%	
имена собств.	3	1%	3	1%	
предл. группа	3	1%	6	3%	
порядок слов	2	0%	1	0%	
сравнение	1	0%	2	1%	
анаф. ср-ва	1	0%	1	0%	
прочее	1	0%	7	3%	
всего	474	100%	228	100%	

Значимо выше для текстов с переключением кодов оказывается доля нестандартного согласования прилагательных (но не глаголов и личных местоимений) и доля нестандартного кодирования актантов (включая использование номинатива в позиции прямого дополнения). Для остальных явлений цифры сопоставимые, разница незначима. В целом, таким образом, можно сказать, что бóльшие отличия от монолингвальной речи проявляются а) в точках, связанных с «внешним» структурным оформлением высказывания, а не непосредственно с семантикой (нестандартным выбором синтаксических признаков: значений падежа, согласовательного рода, а не семантических: вида, времени), contextual inflection по [Booij 1996]⁹, б) в тех из них, где отклонение от речи монолинга для этого носителя в целом наиболее характерно (значимая разница — для самых частотных нестандартных черт).

Почему, однако, количественное различие настолько мало? Это может быть связано с составом сравниваемых выборок, на самом деле более похожих, чем нам бы хотелось. С одной стороны, контрольная выборка текстов без переключения кодов записывалась вместе с нанайскими текстами (часть этих текстов — пересказы историй, рассказанных по-нанайски), поэтому эти тексты тоже могут содержать черты «динамической интерференции». С другой стороны, рассматриваемая выборка текстов с переключением кодов неоднородна: в ней есть достаточно длинные фрагменты полностью на русском языке (такие как приведенный выше в (23)). В них «динамическое» влияние нанайского языка может быть меньше, чем в предложениях со смешением кодов и предложениях, непосредственно соседствующих с нанайскими, или оно может вовсе отсутствовать.

4.2. Особенности русской речи в текстах с переключением кодов: квазиимперативы

Если искать яркие нестандартные грамматические черты не на количественном уровне, а на качественном, то прежде всего обращают на себя внимание «квазиимперативы»: неоформленная основа императива/настоящего времени в позиции индикативных форм, ср. (24) и (25).

(24) vsg_151013_ns_70_DedPoshelNaOxotu_rus_nan

⁹ Если подходить к этим данным с точки зрения переключения кодов, то можно отметить, что это явления, связанные с использованием т.н. «поздних морфем» (outsider late morphemes) в теории К. Майерс-Скоттон [Myers-Scotton 2002], т.е. тех, про которые предполагается, что при переключении кодов они должны приходиться из языка, задающего структуру предложения (Matrix Language).

И потом *давай* {ama ('отец')} мне другой нарта\ собака\ ('отец дал')
(25) vsg_120821_ns_Medvezhatina_rus
Четыре\ медведь *убивай*\ Семья-то *таскай*! ('в семью таскают')

В текстах без переключения кодов таких употреблений не встречается, в текстах с переключением кодов они тоже редки, но есть. Не до конца понятно, что это за формы и какова их природа. Можно считать, что это презентная основа без лично-числовых аффиксов, а можно — что императивная. В большинстве случаев они совпадают, форма *давай* в примере (24) указывает скорее на вторую возможность (основа презенса *дай-*), однако глагольная морфология VSG может отличаться от стандартной (формы *давает* в текстах не зафиксировано, но она не кажется невозможной, ср. зафиксированные *празднуют*, *жалуется*).

Следующий вопрос — можно ли интерпретировать такие формы как прямые кальки с нанайского (чего естественнее всего ожидать при межъязыковом прайминге). Нанайские финитные формы содержат показатель времени и следующий за ним показатель лица-числа (*bū-ri-ni* 'дает: давать-PRS-3SG'). В отличие от русских, они — по крайней мере в части контекстов — допускают и употребление без лично-числового аффикса (^{OK}*bū-ri* 'дает: давать-PRS'). Теоретически можно было бы интерпретировать русские примеры (24)–(25) по аналогии с этими употреблениями в нанайском. Но более естественно считать, что в (24)–(25) мы имеем дело скорее с упрощенной дефолтной русской формой, используемой в любом глагольном контексте, а не с калькой с нанайского. Выбор такой формы в текстах с переключением кодов также не исключен. Непосредственно в предложении со смешением кодов выбор дефолтной формы, не оформленной по правилам ни одного из двух языков, может возникать при отсутствии структурной «конгруэнтности» между языками, т.е. когда языки требовали бы настолько разного оформления, что в результате не выбирается ни одно (см. об этом механизме в [Sebba 2009], где он описывается как «компромиссная стратегия»). Здесь, однако, ситуация не вполне такова. Нельзя объяснить выбор дефолтной формы тем, что в нанайском и русском языках на ее месте требовались бы принципиально разные, «противоречащие друг другу», глагольные формы.

4.3. Гипотеза о переключении на пиджин

Выше были предложены не вполне убедительные попытки объяснить квазиимперативные глагольные формы в речи VSG структурными факторами, действующими в ситуации переключения кодов: влиянием нанайского грамматического образца или требованиями взаимной аккомодации разноязычных фрагментов текста. Более смелая гипотеза — считать эти формы (и, возможно, другие нестандартные грамматические черты в текстах с переключением кодов) свидетельством переключения на другую разновидность русского языка или в другой регистр.

Подобные квазиимперативы — яркая черта Дальневосточного (Сибирского) пиджина, одна из разновидностей которого (незадокументированная) была распространена на этой территории, видимо, в поколении родителей и бабушек-дедушек VSG (см. описание грамматики удэгейской разновидности пиджина в [Перехвальская 2008]). Ср. имитацию пиджина этого региона в художественной литературе:

(26) Что ты, что ты, Сура Путинча, моя только *смейся*, моя тебя *бойся*, — пролепетал шаман. (В.Ф. Зуев. Горюн — священная река)

В отрывке (26) из книги местного автора действие происходит в родном селе VSG в 1930-е гг. (детство VSG). Имитируется речь старика-шамана (поколение бабушек-дедушек или родителей VSG).

Обычную русскую речь VSG в целом нельзя охарактеризовать как пиджин (тем более как базилект пиджина), это скорее стандартный русский язык с отдельными особенностями контактной природы. Ср. (26) с фрагментом из рассказа самой VSG о той же Александре Путинцевой, к которой в (26) шаман обращается *Сура Путинча*:

(27) vsg_151013_ns_84_Putintseva_rus_nan

Как\ же, знаю\ я ее || Хорошо\ знаю || А его клещ\ укусила || Она <НРЗБ> || Ученикам ездила за черемшой/ || Она заболела\

Однако пиджин VSG точно слышала в детстве и, вполне возможно, как минимум пассивно владеет им наряду с более стандартной разновидностью русского языка. Вполне можно допустить, что в рассматриваемой выборке текстов VSG, возможно неосознанно, иногда приближает свою русскую речь к пиджину, т.е. вместо того, чтобы переключиться на нанайский язык, переключается с более стандартного на пиджинизированный русский или на воссоздаваемую по воспоминаниям имитацию пиджина.

Показательны в этом контексте встретившиеся в текстах случаи декларации переключения на нанайский без самого переключения. Ср.:

(28) vsg_151013_ns_69_PoJagody_rus_nan

Там ... по-нанайски\ я щас скажу. Например часть от этого\ ой\ кету\.

В (28) рассказчик прямо заявляет о намерении говорить по-нанайски и продолжает рассказ по-русски.

Мотивация для переключения с более стандартного русского на разновидность, близкую к пиджину, должна быть примерно следующей. В рассматриваемой ситуации на рассказчика действуют два противоречащих друг другу триггера переключения кодов: а) прямая инструкция от лингвистов говорить по-нанайски (т.е. «как раньше») и б) коммуникативная ситуация разговора с русскими. Рассказчик неосознанно выбирает из своего репертуара языков компромиссный вариант. Пиджин — это, с одной стороны, язык, на котором «говорят с русскими» (б), с другой — язык, на котором «говорили раньше» (а).

Уверенно говорить о переключении на пиджин (или псевдо-пиджин, имитацию пиджина) все же нельзя. Редкие квазиимперативы вроде (24) и (25) — самое убедительное свидетельство в пользу такой гипотезы (например, другой яркой черты дальневосточного пиджина, местоимений *моя* и *твоя* вместо *я* и *ты*, ср. (26), в речи VSG не засвидетельствовано). Однако сама по себе такая возможность кажется вполне естественной.

5. Результаты

Итак, выше были рассмотрены некоторые аспекты особой разновидности текстов с переключением кодов между доминирующим языком (русским) и малым языком, находящимся на грани исчезновения (горинским говором нанайского языка). В этих текстах рассказчик стремится говорить на одном языке (рецессивном), но в процессе неосознанно переключается на более привычный другой язык (доминирующий).

Основные наблюдения, сформулированные в статье, касаются реакций на каузацию переключения кодов (реплик слушателей вроде *Говори по-нанайски!*). Еще раз перечислим их.

1) В ответ на прямую каузацию (эксплицитные просьбы говорить «на родном языке») переключение происходит чаще, чем в ответ на косвенную (реплики слушающего по-нанайски). Это, однако, может быть отчасти обусловлено спецификой конкретной коммуникативной ситуации.

2) Смешение кодов в ответ на каузацию переключения кодов более типично, чем полное переключение.

3) Среди предложений со смешением кодов, порождаемых в ответ на просьбу говорить «на родном языке», распределение по структурным типам не отличается от общего по выборке: альтернации > вставки в русский, вставки в нанайский.

4) При этом среди реакций на каузацию переключения кодов со смешением кодов доля предложений, начинающихся с рецессивного языка и продолжающихся на доминирующем выше, чем для остальных предложений выборки со смешением кодов.

5) Ответ на каузацию переключения кодов локализуется, главным образом, в непосредственно следующем за ней предложении и в меньшей степени затрагивает следующие предложения: короткие реакции > стабильные > отложенные.

6) Отвечая на запрос слушающего, рассказчик может повторять на другом языке то, что сказал ранее, а может просто продолжать повествование, переключившись на другой язык. Последнее наблюдается чаще. Разницы между реакциями со смешением и полным переключением кодов в этом отношении не отмечается.

В статье был также рассмотрен вопрос об особенностях русских фрагментов в анализируемых текстах: задуманных говорящим как «рассказ по-нанайски», но де факто содержащих русский материал даже в большем объеме. Можно ожидать, что грамматика таких русских фрагментов будет обнаруживать больше контактных черт, чем в других текстах того же носителя (полностью на русском языке или содержащих незначительные нанайские вставки).

На количественном уровне (при подсчете «отклонений» от литературного монолингвального русского) различие оказывается минимальным. Возможно, это связано с тем, что и тексты полностью на русском языке, имеющиеся в нашем распоряжении, не вполне свободны от непосредственного влияния нанайского языка, активированного в сознании носителя на момент порождения текста (межъязыкового прайминга): значительная их часть — параллельные версии (пересказы) нанайских текстов. Интересно, что там, где количественное различие все же обнаруживается, речь идет о категориях, связанных с оформлением синтаксических связей между элементами предложения, а не о семантической модификации лексем: согласование прилагательных, предложно-падежное кодирование актантов. В модели переключения кодов К. Майерс-Скоттон предполагается, что при переключении кодов внутри предложения морфемы, оформляющие такие значения, приходят из «матричного языка», того языка, по правилам которого оформляется предложение. Здесь речь идет о русских предложениях без смешения кодов (сами морфемы русские), но тот факт, что «нанайская модель» на уровне выбора значения категории затрагивает именно этот тип морфем, кажется неслучайным. Еще одна обнаруженная тенденция: различие между русскими текстами и текстами с переключением кодов наблюдается для тех грамматических отклонений, которые в обоих типах текстов наиболее частотны (например, для частотного рассогласования прилагательных, но не для более редкого рассогласования глаголов). Не до конца понятно, связано ли это просто с малым объемом данных или за этим стоят содержательные причины.

Отдельные необычные грамматические черты обнаруживаются в анализируемых русских фрагментах на качественном, а не количественном уровне. Редко, но встречаются, в частности, квазиимперативы: формы типа *таскай* в индикативном контексте. Такие формы не являются, судя по всему, прямой калькой с нанайского. Они были характерны для пиджина, ранее распространенного на этой территории. Их наличие в рассматриваемых текстах может свидетельствовать о том, что говорящий (возможно, неосознанно) переключается между регистрами: более стандартной разновидностью русского и разновидностью, близкой к пиджину. Можно осторожно предположить, что на пиджинизированную разновидность говорящий переключается в тех случаях, когда его осознанной целью на самом деле является переключение на нанайский. Правдоподобный сценарий такого «переключения не на тот код» связан с тем, что у говорящего в рассматриваемой ситуации имеется две вступающих в противоречие мотивации: первая — говорить «как раньше» (по просьбе лингвистов), вторая — говорить на том языке, на котором обычно говорят с русскими. Нанайский язык удовлетворяет первой мотивации, но не второй. Пиджин — обеим.

Сокращения

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо;

ABL — аблатив; ACC — аккузатив; CAUS — каузатив; CVB — деепричастие; DAT — датив; HESIT — маркер гезитации; IMP — императив; INCH — инхоатив; IPFV — имперфектив; LAT — латив; MPURP — движение с целью; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; SG — единственное число; SIM — одновременность.

Литература

Зудина Е. А. Экспериментальные методы исследования маркеров обратной связи на материале русского диалогического дискурса. Дипломная работа. М.: МГУ, 2008.

Перехвальская Е. В. Русские пиджины. СПб.: Алетейя, 2008. 363 с.

Auer P. Bilingual conversation. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing, 1984. 116 p.

Auer P. (ed.) Code-switching in conversation. Language, interaction and identity. London: Routledge, 1999. 368 p.

Auer P. Bilingual conversation revisited // Code-switching in conversation. Language, interaction and identity / ed. by P. Auer. London: Routledge, 1999. P. 10–24.

Backus A. Codeswitching and language change: One thing leads to another? // International Journal of Bilingualism. 2005. №9 (3&4). P. 307–340.

Booij G. Inherent versus contextual inflection and the split morphology hypothesis // Yearbook of morphology / ed. by G. Booij and J. van Marle. Dordrecht/Boston/London: Kluwer Academic Publishers, 1996. P. 1–16.

de Bot K. Cognitive processing in bilinguals: from static to dynamic models // The Oxford Handbook of Applied Linguistics / ed. by R. Kaplan. 2-nd ed. Oxford: OUP, 2010. P. 335–348.

Gardner R. Between speaking and listening: the vocalisation of understanding // Applied Linguistics. 1998. №19(2). P. 204–224.

Grenoble L. A. Switch or shift: code-mixing, contact-induced change and attrition in Russian-Evenki contacts // Instrumentarium of Linguistics. Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian. Slavica Helsingiensia. 2010. №40. P. 147–161.

Grosjean F. Neurolinguists, beware! The bilingual is not two monolinguals in one person // Brain and Language. 1989. №. 36. P. 3–15.

- Grosjean F.* The bilingual's language modes // *One Mind, Two Languages: Bilingual Language Processing* / ed. by J. Nicol. Cambridge, MA: Blackwell, 2001. P. 1–22.
- Johanson L.* Do languages die of 'structuritis'? On the role of code-copying in language endangerment // *Rivista di Linguistica*, 2002. №14(2). P. 249–270.
- Knight D.* *Multimodality and Active Listenership: A Corpus Approach*. London: Continuum, 2011. 272 p.
- Loebell H., Bock K.* Structural priming across languages // *Linguistics*. 2003. №41. P. 791–824.
- Muysken P.* *Bilingual speech: A typology of code-mixing*. Cambridge/New York: Cambridge University Press, 2000. 306 p.
- Myers-Scotton C.* *Contact linguistics: Bilingual encounters and grammatical outcomes*. Oxford/New York: Oxford University Press, 2002. 342 p.
- O'Keeffe A., Adolphs S.* Using a corpus to look at variational pragmatics: response tokens in British and Irish discourse // *Variational Pragmatics* / ed. by K.P. Schneider and A. Barron. Amsterdam, Netherlands: John Benjamins, 2008. P. 69–98.
- Paradis M.* Linguistic, psycholinguistic, and neurolinguistic aspects of "interference" in bilingual speakers: The activation threshold hypothesis // *International Journal of Psycholinguistics*. 1993. №9(2). P. 133–145.
- Poplack Sh.* Contrasting patterns of code-switching in two communities // *Codeswitching: Anthropological and sociolinguistic perspectives* / ed. by M. Heller. Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 1988. P. 215–244.
- Sebba M.* On the notions of congruence and convergence in code-switching // *The Cambridge Handbook of Linguistic Code-switching* / ed. by B. E. Bullock and J. Toribio. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 40–57.

Natalia Stoyanova

V. V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS

(Russia, Moscow)

stoyanova@yandex.ru

“SPEAK NANAI!” CODE-SWITCHING IN TEXTS IN AN ENDANGERED LANGUAGE

The paper deals with structural features of code-switching in a specific situation of narrative production in the half-remembered “native” language. The data involved in the study is a sample of texts with numerous switches between Nanai and Russian, recorded from one of the last speakers of Gorin Nanai. In the paper, I discuss two relevant points on these data. First, I analyze the contexts of code-switching causation (listeners' direct or indirect requests on code-switching). The frequency, length, structural features of the reaction-switches and their differences from spontaneous switches are in focus. Second, I describe Russian sentences attested in texts with intensive code-switching as a target of the “crosslinguistic priming” (the grammatical influence of the other language involved in the text). Some of the Russian fragments attested in the text sample can be interpreted as a case of code-switching (or rather register-switching) between a more standard variety of Russian and a pidgin-like variety.

Keywords: Russian, Tungusic languages, Nanai, code-switching, code-mixing, Russian Pidgins, language shift, language attrition

References

- Auer P. *Bilingual conversation*. Amsterdam/Philadelphia, John Benjamins Publishing, 1984, 116 p.
- Auer P. (ed.) *Code-switching in conversation. Language, interaction and identity*. London, Routledge, 1999, 368 p.
- Auer P. Bilingual conversation revisited. *Code-switching in conversation. Language, interaction and identity* (ed. by P. Auer). London, Routledge, 1999, pp. 10–24.
- Backus A. Codeswitching and language change: One thing leads to another? *International Journal of Bilingualism*, 2005, no. 9 (3&4), pp. 307–340.
- Booij G. Inherent versus contextual inflection and the split morphology hypothesis. *Yearbook of morphology* (ed. by G. Booij and J. van Marle). Dordrecht/Boston/London, Kluwer Academic Publishers, 1996, pp. 1–16.
- de Bot K. Cognitive processing in bilinguals: from static to dynamic models. *The Oxford Handbook of Applied Linguistics* (ed. by R. Kaplan). 2-nd ed. Oxford, Oxford University Press, 2010, pp. 335–348.
- Gardner R. Between speaking and listening: the vocalisation of understanding. *Applied Linguistics*, 1998, no. 19(2), pp. 204–224.
- Grenoble L.A. Switch or shift: code-mixing, contact-induced change and attrition in Russian-Evenki contacts. *Instrumentarium of Linguistics. Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian. Slavica Helsingiensia*, 2010, no. 40, pp. 147–161.
- Grosjean F. Neurolinguists, beware! The bilingual is not two monolinguals in one person. *Brain and Language*, 1989, no. 36, pp. 3–15.
- Grosjean F. The bilingual's language modes. *One Mind, Two Languages: Bilingual Language Processing* (ed. by J. Nicol). Cambridge, MA, Blackwell, 2001, pp. 1–22.
- Johanson L. Do languages die of 'structuritis'? On the role of code-copying in language endangerment. *Rivista di Linguistica*, 2002, no. 14(2), pp. 249–270.
- Knight D. *Multimodality and Active Listenership: A Corpus Approach*. London, Continuum, 2011, 272 p.
- Loebell H., Bock K. Structural priming across languages. *Linguistics*, 2003, no. 41, pp. 791–824.
- Muysken P. *Bilingual speech: A typology of code-mixing*. Cambridge/New York, Cambridge University Press, 2000, 306 p.
- Myers-Scotton C. *Contact linguistics: Bilingual encounters and grammatical outcomes*. Oxford/New York, Oxford University Press, 2002, 342 p.
- O'Keeffe A., Adolphs S. Using a corpus to look at variational pragmatics: response tokens in British and Irish discourse. *Variational Pragmatics* (ed. by In K.P. Schneider and A. Barron). Amsterdam, Netherlands, John Benjamins, 2008, pp. 69–98.
- Paradis M. Linguistic, psycholinguistic, and neurolinguistic aspects of "interference" in bilingual speakers: The activation threshold hypothesis. *International Journal of Psycholinguistics*, 1993, no. 9(2), pp. 133–145.
- Perehval'skaja E.V. *Russkie pidzhiny* [Russian Pidgins]. Moscow, Aletejja, 2008, 363 p.
- Poplack Sh. Contrasting patterns of code-switching in two communities. *Codeswitching: Anthropological and sociolinguistic perspectives* (ed. by M. Heller). Berlin/New York, Mouton de Gruyter, 1988, pp. 215–244.
- Sebba M. On the notions of congruence and convergence in code-switching. *The Cambridge Handbook of Linguistic Code-switching* (ed. by B.E. Bullock and J. Toribio). Cambridge, Cambridge University Press, 2009, P. 40–57.
- Zudina E.A. *Ekspperimental'nye metody issledovanija markerov obratnoj sv'azi na materiale russkogo dialogicheskogo diskursa*. [Experimental methods of investigation of backchannels on the data of Russian dialogues]. Master thesis. Moscow, MSU, 2008.

Министерство науки
и высшего образования
Российской Федерации

ИРЯ

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
им. В. В. Виноградова Российской академии наук
(ИРЯ РАН)

119019 Москва, ул. Волхонка, 18/2 • Тел. +7 495 695 2660 • Факс +7 495 695 2603
ruslang@ruslang.ru

СПРАВКА

Выдана Наталье Марковне Стойновой в том, что ее статья «*По-нанайски говори!* переключение кодов в текстах на вымирающем языке» принята к печати в 23 номере журнала «Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН» за 2020 год.

Ученый секретарь института

В. А. Пыхов